

Время и язык: системы оценки

ВАДИМ. В. ДЕМЕНТЬЕВ

(Саратов)

Системы оценки в разных языках национально-специфичны, как специфичны национальные оценивающие картины мира. Различия между системами оценки обусловлены разными системами концептов, включающих понятийный, образный и ценностный компоненты и организованных, прежде всего, единицами лексической системы языка. Значимыми для формирования оценки являются коммуникативные категории, которые предполагают градуирование и шкалирование признаков и, в отличие от концептов, не обязательно включают образный компонент и не обязательно соотносятся с ключевыми лексемами. Наконец, существуют более общие коммуникативные сценарии, которые и определяют в конечном счете систему приоритетов и ценностей в национально-речевой культуре в целом, представления о правилах и нормах коммуникации, хорошей речи, коммуникативном идеале (Арутюнова 1998; Карасик 2002; Дементьев, Рогачева 2006; Шейгал 2006). Такие сценарии формируют наиболее общие системы оценки, значимые для языка в целом (так, отмечается, что для русского языка существенной является этическая оценка, выражаемая средствами лексики и грамматики [Апресян 1995; Вежицкая 1996; Орлова 2005]). Оценки, формируемые данными когнитивными феноменами, отличаются сложностью и могут противоречить друг другу.

Со временем системы оценки в языках могут значительно меняться. Подвижность, изменчивость относится к отличительным характеристикам всего корпуса экспрессивных слов (ср. *Ай да Пушкин, ай да сукин сын!*); отмечается, что в наибольшей степени это свойственно междометиям-экспрессивам (*Боже мой, черт возьми*) (Меликян 2001). Изменения в этой области могут касаться не только отдельных оценочных лексем или

лексико-семантических групп, но и гораздо более общих систем оценки. Некоторым из таких общеязыковых систем оценки и посвящена настоящая статья.

Так, современные русские оценки значительно изменились по сравнению с прошлыми столетиями. Покажем это на двух примерах, относящихся к разным эпохам.

Заслуживает внимания одно новое и уже широко распространенное явление русской речи. Ситуация: группка молодых девчонок, веселых, с чистыми глазами, явно не из “неблагополучных семей”, самое обыкновенное девчоночье щебетанье – и в нем отборный мат.

Многими лингвистами отмечается бессмысленность попытки искать в современных обценных единицах следы магических функций, присущих брани в древнюю эпоху (например, профанного начала, оппозитивно связанного с началом сакральным) (Борухов 1994: 19); но в подобных случаях, повидимому, так же бессмысленно искать и основную функцию обценной лексики, присущую современной речи – выражения межличностной агрессии (Дементьев 2005). В равной мере возможна лишь более или менее искусственная реконструкция данных функций, не имеющих отношения к актуальной ситуации общения.

Лучше понять общую картину изменений в области систем оценки помогает обращение к русскому языку, относящемуся к другим историческим эпохам.

Так, у Достоевского и других писателей XIX века, рассуждающих о нравственных проблемах (то есть, собственно говоря, лучших писателей), обращает на себя внимание обилие нравственно-оценочной лексики, часто очень категоричной. Нравственные оценки выносят люди, рассуждающие о чести и долге, мотивах поступков и нравственном выборе – в произведениях Достоевского таких героев очень много. Выносят, рассуждая о человечестве в целом, о русских, о поколениях, обвиняют других, часто себя, например:

Я стыдился (даже, может быть, и теперь стыжусь); до того доходил, что ощущал какое-то тайное, *ненормальное, подленькое* наслажденье возвращаться, бывало, в иную *гадчайшую* петербургскую ночь к себе в угол и усиленно сознавать, что вот и сегодня *сделал опять гадость*, что сделанного опять-таки никак не воротишь, и внутренне, тайно, грызть, грызть себя за это зубами, пилить и сосать себя до того, что горечь обращалась, наконец, в какую-то *позорную, проклятую* сладость и, наконец – в решительное, серьезное наслаждение! (Записки из подполья).

Анализ показывает, что нравственно-оценочные слова, такие как в приведенном примере из Достоевского, не менее часто употребляются и в современной русской речи, но их первоначальный смысл нередко меняется, причем настолько, что популярная (особенно у нерусских русистов) идея о русской сверхлюбви к нравственной оценке, к разговорам на такие темы, якобы прямо вытекающей из обширной системы нравственно оценочных слов в русском языке, кажется уже не вполне верной.

Если захочет рассуждать о нравственности современный человек – что ж, русский язык для этого идеально приспособлен (пока приспособлен, но, думается, уже меньше, чем в XIX веке) – как и мат в речи девчонок, если им вздумается вступать в специфические отношения друг с другом; так, по мнению Б.Л. Борухова, агрессивная сущность мата “[...] не означает, конечно, что человек, усвоивший язык мата, непременно будет смотреть на мир через черные очки. Но если через такие очки он уже смотрит, если он недоволен жизнью и людьми, мат будет для него идеальным средством для объективации своих негативных установок” (Борухов 1994: 18).

Вопрос, многие или не многие “захотят”, относится, естественно, к сфере речи, а не языка (к речи относится также частотность оценочных единиц и конкретная цель их использования, распределение прямых и переносных значений слов в высказывании); однако вслед за речью уже произошло и стремительно идет дальше изменение языковых значений. Так, на примере лексемы *подлый* хорошо видно, что, с одной стороны, нравственная оценка становится менее дифференцированной: уходят *подленький* и *подлейший*; с другой стороны, *подлый* теперь чаще всего используется в предикативном значении как нравственная оценка человека или его позиции в целом (*он подлый* или *это подло*) и гораздо реже – как оценка отдельных действий, еще реже – мыслей (если *подлый поступок* – общеупотребительное выражение, то *подлая мысль* – выражение, редко встречающееся в современной русской речи); наконец, совсем не подвергается нравственной оценке сфера бессознательных непосредственных побуждений, мотивов, чувств, т.е. наиболее естественных качеств, присущих человеку (выражения *подлейший инстинкт*, *подлая привычка*, *подленькое наслажденьице* звучат уже совершенно не по-русски, хотя относятся к частотным в речи персонажей Достоевского). Отчасти это объясняется тем, что в XIX веке еще было живо исконное значение *подлый* (ср. оппозицию *люди подлого звания* ~ *люди благородного происхождения*), однако и тогда нравственная оценка была основной. Ср. примеры: *У этого Версилова была подлейшая замашка из*

высшего тона: сказав (когда нельзя было иначе) несколько преумных и прекрасных вещей, вдруг кончить нарочно какую-нибудь глупостью, вроде этой догадки про седину Макара Ивановича и про влияние ее на мать. Это он делал нарочно и, вероятно, сам не зная зачем, по глупейшей светской привычке (Ф.М. Достоевский. Подросток); В задних рядах публики пронесся подленький смешок (Л.Н. Андреев. Защита); Подлейшая привычка говорить остроты! (А.Н. Островский. Волки и овцы).

Собственно, в западных культурах (например, английской) тоже многое изменилось. Так, поучительно рассмотреть трансформации в современном английском общении не прямоты, часто отмечаемой англичанами в качестве одной из главных отличительных особенностей стандартного английского (отмечается, что в нем избегают самоутверждения и не поощряется искренность и непосредственность, например, по сравнению с ивритом или даже с языком черных американцев [Blum-Kulka 1982; Levenston 1970]).

Современная молодежь во всем мире любит Интернет- и СМС-общение. Естественно, молодых очень волнует вопрос... ну, скажем, взаимоотношений полов. Нет ничего странного в том, что оказался весьма востребованным древний, детально разработанный на протяжении многих веков жанр флирта.

В чем главная отличительная особенность этого жанра? Во всех его проявлениях, начиная с тривиальных случаев, описанных в литературе: *КОВБОЙ: Не хотите ли посмотреть конюшню? – ДЕВУШКА: Ах, я с детства обожаю конюшни!* (Берн 1988: 25), обязательной является непрямая коммуникация. Это, собственно, удобно: косвенный жанр, не имеющий прямых средств осуществления, тем самым оставляет говорящему возможность сделать вид, что “ничего не было”. Семантику (“глубинную структуру”) флирта определяют как косвенный комплимент:

ФЛИРТ (FLIRT): Я говорю: я хочу, чтобы ты себе представил(а), что я говорю X.

Я думаю, что ты понимаешь, что, может быть, я этого совсем не думаю.

Я говорю это, потому что хочу, чтобы ты себе представил(а), что нравишься мне как лицо противоположного пола (Вежбицка 1997: 108).

Вот характерный пример, показывающий, что и в новых сферах общения данная особенность флирта является определяющей.

Молодая женщина, героиня произведения самого последнего времени – романа Н. Fielding *Bridget Jones Diary*, влюблена в своего начальника, он же не

обращает на нее внимания. Страстно желая привлечь своего избранника, Бриджит, отправляясь на работу, надевает сверхкороткую обтягивающую юбку. В этот же день она получает по электронной почте письмо от шефа:

You appear to have forgotten your skirt. As I think is made perfectly clear in your contract of employment, staff are expected to be fully dressed at all times.

“Hah! Undeniably flirtatious!” – восхищается девушка, прочитав этот текст, и немедленно отвечает игривым, призывным посланием:

Sir, am appalled by message. Whilst skirt could reasonably be described as a little on the skimpy side (thrift being ever our watchword in editorial), consider it gross misrepresentation to describe said skirt as absent, and considering contacting union.

Однако, отправив это письмо, Бриджит задумывается и приходит в ужас:

Must be furious. Maybe he was being serious about the skirt. Oh God oh God. Have been seduced by informality of messaging medium into being impertinent to boss.

Следует отметить, что у девушки были основания для обоих предположений. Как уже говорилось, косвенная природа флирта делает его исключительно удобным средством общения в ситуациях, когда речь заходит о щекотливых материях, когда не хочется признаваться в том, что считается предосудительным или просто не совсем одобряется социумом; наконец, когда есть необходимость “сделать вид, что ничего не было”. Однако, пожалуй, первая реакция Бриджит была все-таки более естественной (и, как становится ясно в дальнейшем, верной), и не только потому, что влюбленная девушка в любом поведении предмета своего обожания видит эротический призыв. Это направление интерпретации более естественно в силу другой важной особенности жанра флирта. Низкая степень косвенности во флирте, малая доля непланируемой непрямой коммуникации, преобладание знаков с низкой семиотичностью (иконы и индексы, в которых “тело” знака более значимо, чем символическое означаемое) в значительной степени ограничивают множественность интерпретации. Конечно, уже сама по себе короткая

юбка в качестве предмета обсуждения между начальником и подчиненной (особенно если учесть, что это их первое общение по электронной почте) – весьма красноречивое эротическое “тело знака”.

Интереснее, однако, некоторые новые тенденции, появляющиеся во флирте (ухаживании) в современном изменившемся, “компьютеризированном” и “чатизированном” мире. Нам думается, можно говорить не только о некоторых новых частных особенностях флирта, оставшегося в целом и главном прежним, но и о весьма существенных трансформациях, которые затрагивают даже важнейшие признаки флирта.

Некоторые данные заставляют считать, что характер флирта (и семантика лексем *флирт*, *флиртовать*, *flirt*, *flirtation*) изменился в целом весьма сильно. Так, современный флирт утрачивает не только изощренную технику, по сравнению с образцами XVIII-XIX вв. (что отмечалось многими исследователями), но и в значительной степени игровой характер и даже косвенность.

Приведем еще один пример из романа *Дневники Бриджит Джонс*. Если предыдущий пример из этого произведения доказывал скорее, что современный опосредованный флирт по e-mail в целом сохраняет основные признаки первичного, непосредственного флирта, то нижеследующая ситуация общения наводит на весьма серьезные размышления:

Huh. Had dream date at an intime little Genoan restaurant near Daniel's flat.

'Um . . . right. I'll get a taxi,' I blurted awkwardly as we stood in the street afterwards. Then he lightly brushed a hair from my forehead, took my cheek in his hand and kissed me, urgently, desperately. After a while he held me hard against him and whispered throatily, 'I don't think you'll be needing that taxi, Jones.'

The second we were inside his flat we upon each other like beasts: shoes, jackets, strewn in a trail across the room.

'I don't think this skirt's looking at all well,' he murmured. 'I think it should lie down on the floor.'

As he started to undo the zip he whispered, 'This is just a bit of fun, OK? I don't think we should start getting involved.' Then, caveat in place, he carried on with the zip. Had it not been for Sharon and the fuckwittage and the fact I'd just drunk the best part of a bottle of wine, I think I would have sunk powerless into his arms. As it was, I leapt to my feet, pulling up my skirt.

'That is just such crap,' I slurred. '*How dare you be so fraudulently flirtatious*, cowardly and dysfunctional? I am not interested in emotional fuckwittage. Goodbye.'

It was great. You should have seen his face. But no I am home I am sunk into gloom. I may have been right, but my reward, I know, will be to end up all alone, half-eaten by an Alsatian.

Довольно странно, что поведение Дэниела названо *флиртом* – трудно даже представить эротические желания, выраженные более прямо. Однако

дефиниция, которую с легкостью нашла для поведения шефа Бриджит, кажется для нее вполне естественной.

По-видимому, такая трансформация семантики лексемы *флирт* в современной речи (особенно в речи молодежи) – свершившийся факт: практически все подборки, чаты, форумы, предлагаемые в Интернет на стимулы *флирт*, *flirt*, включают огромное количество подобных абсолютно прямых, лишенных игрового начала сексуальных смыслов, интенций и призывов (*Эротическое общение для тебя; Send me your naked pictures*). Напротив, найти что-либо в традиционном значении (флирт-игра, флирт-“Динамо”, флирт-намек, словесный поединок в любовной игре) в современных Интернет-ресурсах довольно сложно.

Складывается впечатление, что флиртом теперь называется просто всё то в гендерно маркированном поведении мужчины и женщины, что выходит за рамки собственно полового акта, или же... слово *флирт* превращается в эвфемизм прямого наименования полового акта!

Несмотря на иногда довольно значительные изменения, затронувшие системы многих современных языков, многое, конечно, остается.

Так, складывается впечатление, что в русской системе оценок устойчивой во времени оказывается оппозитивная модель.

Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский (1994) усматривают историко-культурные истоки оппозитивности в суждениях и оценках в том, что в православии отсутствует понятие чистилища, очень важное для западной, католической культуры, и что в связи с этим жизнь на земле тоже представляется или как грешная, или как святая, без промежуточной зоны. На Западе промежуточная зона, связанная с понятием чистилища, стала после Реформации структурным резервом, на основании которого даже в протестантских странах могло развиваться представление о нейтральной жизни на земле, в то время как русская культура продолжала развиваться на основании поляризованных, черно-белых моделей. Соглашаясь с точкой зрения ученых, А. Вежицкая считает, что основные русские культурные ценности (идеологические, политические, религиозные) располагаются в двуполосном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны. Отражением в языке этого явления становятся такие (часто употребляемые) экстремальные слова, как *подлец*, *негодяй* или *мерзавец*, *сволочь* (у которых нет эквивалентов в английском языке), и, с другой стороны, такие выражения, как *прекрасный человек*, *благородный* (*благороднейший*) *человек*, *чистая душа* и т. п. (2002). В западных культурах (например, английской), русской оппозитивной оценочности соответствует иная, “шкальная” или “континуальная” оценочность. Показательно мнение А. Вежицкой, которая находит отсутствие оппозитивности в английском языке даже при оценке *правды*: “Самое главное различие между русской *правдой* и английской *truth* – это то, что в русском языке «правде» соответствует «неправда», тогда как в английском разговорном языке есть слово *truth*, но нет слова *untruth*. В русском языке идее «говорить пр-

авду» соответствует идея «говорить неправду», а в английском языке нет такого острого, черно-белого противопоставления. Есть *truth*, но есть также *white lies* (буквально ‘белая ложь’ – устойчивое словосочетание), и есть еще *small talk*, *understatement* и разные другие категории речи – более, так сказать, серые” (Вежбицкая 2002: 13).

Оппозитивной и континуальной оценочностью ярко окрашены художественные тексты русской и английской культур. Нравственный и коммуникативный идеал английской культуры *джентльмен* (однозначный еще для XIX века) не формировал оппозитивность нравственной оценки (противопоставление “*джентльмен*” ~ “*не джентльмен*” скорее свойственно русской интерпретации и речи). В романах Остин, Бронте (обеих), Треллопа, Коллинза джентльменами и леди были все действующие лица. Совершившие серьезные преступления против общественной нравственности просто изгоняются, таким не пожмут руки, о них не говорят в обществе: это “неприличная” тема, какие столь часто пресекаются, изгоняются из общения в *high society*. Естественно, далеко не все праведники, по отношению к каждому допустима некоторая оценка, но никто не применяет полярных нравственных оценок ни по отношению к себе, ни по отношению к другим леди и джентльменам¹.

Вероятно, можно усмотреть некоторую связь между отсутствием оппозитивной оценочности и пресловутой толерантностью, которую так охотно приводят нынешние сторонники глобализации как доказательство несомненного преимущества американского образа жизни. (Конечно, в действительности мы часто сталкиваемся с весьма уродливыми воплощениями официально проповедуемой толерантности, когда как будто бы принимается всё, кроме терроризма, но простодушно приравнивают к террористам весь мусульманский мир!)² Но в целом, видимо, можно предположить, что отсутствие оппозитивной оценочности в английской коммуникативной культуре приводит к более спокойному взгляду как на недостатки других, так и на собственные недостатки. Это предположение подтверждают многие данные. Отчетливый отпечаток такого отношения несут на себе современные англи-

1 Ср. рассуждения о полярной диаде “свой ~ чужой” в российских фильмах самых последних лет “Ночной дозор” и “Дневной дозор” (цикл, претендующий на звание нового культового русского кино) в: Абашева 2007.

2 Мы не ставили задачи обсуждать столь сложные и важные проблемы, требующие самого серьезного внимания ученых, в том числе лингвистов. (Их уже изучают: см., например: [Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности 2003]).

йские романы, фильмы, сериалы. В одном из популярных произведений английской литературы последних двух десятилетий – “Secret Diary of Adrian Mole aged 13s” Sue Townsend – умный и откровенный тринадцатилетний школьник (возраст, которому свойствен максимализм!), переживающий развод родителей, честно и весьма трезво анализирует чужие и свои поступки, среди которых немало действительно неприглядных. *He fulfils my sexual needs* – прямо объясняет мать тринадцатилетнему сыну свои отношения с любовником. Да, юному Андриану многое не нравится, но нигде нет крайних нравственных осуждений ни других, ни себя, каких можно было бы ждать в таких ситуациях у русских писателей. Единственный случай осуждения – когда мать названа *wanton*: это слово впервые произнесено бабушкой, позже Андриан употребляет его по отношению к матери сам (*What a pity to have a wanton mother*), но показательно, что его значения мальчик толком не знает и справляется в словаре. Такая манера изображения грязи в человеческих поступках и отношениях без однозначного нравственного осуждения, вероятно, и вызывает у российских поклонников художественных текстов английской культуры и интерес, и... непонимание: так, русскому читателю английская оценка может показаться, с одной стороны, более толерантной, а с другой – более циничной, чем есть на самом деле.

Часто спорят: чем вызвана огромная популярность сатирических монологов М.Н. Задорнова у русской аудитории? (И это несмотря на то, что жестоко высмеиваются многие качества именно русского человека!) Иногда это загадочное явление объясняют тем, что Задорнов-де идеально передает “точку зрения русского человека”. Так ли это? По моему мнению, это отчасти так и во многом проистекает из того, что система оценок сатирика абсолютно оппозитивна – оппозитивна, так сказать, “по-русски”.

Даже первичный анализ показывает, что сатириком облюбован почти всегда один и тот же бинарный механизм комического обыгрывания: сатирическое отрицание некоторого явления (как показывает материал, чаще всего мишенью сатирика, т.е. первым членом оппозиции, становится духовная и интеллектуальная деградация) на фоне второго члена оппозиции.

Рассмотрим только одну бинарную оппозицию: “наши” (русские, советские) ~ “не наши” (западный мир, который чаще всего представлен образом американцев)³. В разных монологах, относящихся к разным периодам

3 Выбор именно американцев среди довольно большого количества национальностей, которые описываются или упоминаются в монологах Задорнова (немцы, французы, итальянцы,

творчества сатирика и разным историческим этапам развития России (СССР), данная оппозиция удивительно устойчива, хотя ее конкретные члены могут варьироваться:

Первая оппозиция реализуется, прежде всего, в творчестве советского (в том числе перестроечного) периода. “Наши” противопоставлены “не нашим” следующим образом: “наши” предстают как люди, опутанные паутиной официальной лживой, агрессивной, атеистической и абсурдной идеологии, плохо и бедно живущие, не имеющие качественных продуктов, техники и т.д. и не умеющие ими пользоваться и по этой причине переживающие духовную и интеллектуальную деградацию:

Единственное, что передавалось по наследству советскими людьми из поколения в поколение, это нищета, изворотливость и энтузиазм.

“Не наши” предстают в виде довольно абстрактного цивилизованного и комфортного мира, живущего в соответствии с “общечеловеческими ценностями”.

Абсолютно разный уровень устроенности быта приводит к абсолютному непониманию друг друга:

Мы даже в декорациях к нашим фильмам, которые снимаем о западной жизни, не можем воспроизвести их роскоши. А они в фильмах о нас даже в декорациях из картона не в состоянии воссоздать убогость нашего быта и так наплевать, как мы наплевали в собственной жизни.

Одним из наиболее ярких примеров этого типа может служить известный монолог М. Задорнова о разведчике из ЦРУ, который был заслан в СССР и погиб, не справившись с советской действительностью.

Вторая оппозиция характерна, прежде всего, для творчества раннего постсоветского (постперестроечного) периода.

испанцы, японцы, поляки, латыши, латиноамериканцы, египтяне), обусловлен тем, что это, с одной стороны, наиболее яркий и наиболее частотный образ, который становится у сатирика символом всей “западной жизни”, отличной от отечественной. С другой стороны, данный образ наиболее часто ставится им в бинарную оппозицию “наши ~ не наши”; прочие национальные характеры в эту оппозицию попадают только на том основании, ближе они в ней к “нашим” (например, испанцы, итальянцы, поляки, латиноамериканцы) или “не-нашим” (немцы, англичане, японцы); собственной же оппозиции с русскими, отличной от названной оппозиции “русские ~ американцы”, они обычно не образуют.

“Наши” предстают как люди нецивилизованные, по этой причине иногда агрессивные, пьющие и вороватые, но в то же время носители “соображалки”, необходимой для выживания в нечеловеческих условиях, и высокой истинной духовной культуры. “Не наши” (чаще всего американцы) здесь тупые, мыслящие узко и прямолинейно, “компьютерные”, оторванные от реальной жизни, воспринимающие мир как телевизионное шоу, лишённые чувства юмора, самодовольные без малейших на то оснований, ведущие сверхкомфортный образ жизни, по-настоящему не верящие в Бога, разделяющие потребительскую и абсолютно безнравственную идеологию и оттого пришедшие к духовной и интеллектуальной деградации.

Я всегда считал Америку врагом жизни нашей души.

Буш ведет себя как авторитет, опущенный на зоне.

Американцы даже Дюма не читали.

Меня часто пародируют фразой “Какие они там в Америке все тупые!”. Не правда – не все! В Америке есть гениальные люди... их человек 18...

Америка далека от размышлений. Они же пуп земли! Все остальные страны для нее – так, офисы их. ... Вместо того чтобы изменить свою политику для начала, они что сделали? Они же шоу устроили! Начали продавать государственные флаги. Они сейчас государственные флаги для поддержки государства носят на трусах! Правда! Мы тоже можем носить государственные флаги на трусах, но в знак протеста только! У них мода пошла новая, военная, у них белье постельное выпускается с названием “антитеррористическое”. Защитного цвета, чтобы постель не разбомбили... Многие удивляются: почему американцы бомбят Афганистан только ночью? Я знаю почему: потому что, когда в Афганистане начинается ночь, в Америке начинается рабочий день. Они на работу выходят в это время! А Америка в это время смотрит войну по телевизору. Это шоу, представляете, ба-бах! взрыв расплылся кляксой по экрану! И веселенький голос: пейте бразильский кофе, тщательно отобранный у бразильцев!

Тогда практически любое сравнение с “нашими” оказывается в нашу пользу:

Мы гораздо достойнее, чем та западная жизнь, которую нам навязывают: соображалка, образование, воспитание...

Важно, что качества русских здесь встают в оппозицию “наши ~ не наши” и осмысляются через нее; в этой оппозиции многие качества русских, которые были подвергнуты злему осмеянию в первой группе монологов, почти полностью теряют свой сатирический заряд и подаются скорее добродушно, с симпатией, переходящей даже в своеобразную гордость. Прямая пол-

ожительная оценка “наших” тоже не редкость в монологах данного типа. Например, Задорнов часто подчеркивает, что высоко оценивает интеллект российских зрителей:

Тут я должен сделать комплимент российским зрителям: только в России, благодаря российскому зрителю, существуют сатирики с грустными лицами. И это мне очень нравится. Потому что на Западе сатирик, выступая, или юморист должен скорчить рожу. То есть все шутки по первой сигнальной системе рефлексов собачек Павлова: сказал и так – ху-ху-ху! Этот, ясно, с юмором выступает. Российский зритель должен все-таки сначала подумать, потом засмеяться... Что есть в русском зрителе и чего нет в западном – это наше достоинство. Он смеется, ухахатывается, потом уходит и говорит: как это всё грустно!

Облик русского пополняется рядом новых качеств, которые не упоминались в первой группе текстов и почти всегда оцениваются (здесь) однозначно положительно:

У нас есть несомненные преимущества перед Западом! Я не говорю, что мы во всем лучше. Но у нас девушки читают стихи! Сидят в метро и читают стихи.

Третья оппозиция характерна для творчества современного периода. “Наши” предстают как “старые” русские; их характеристика в основном совпадает с характеристикой русских в типе 2; главный акцент делается на высокой духовности и качественном образовании в позднем СССР / России. “Не наши” здесь – американизированные российские обыватели, перенимающие новые традиции, которые приводят к духовному опустошению и зомбированию людей, разрушению старой культуры, системы образования, межличностных отношений и самого русского языка. В данном случае духовная и интеллектуальная деградация ожидает уже россиян, особенно молодых, которые не читают книг, не слушают хорошую музыку, будучи оболванены телевидением, рекламой, интернетом, идиотскими текстами эстрадных песен, исполняемых “шоу-звездочками”:

Когда с проклятьем мы всю ночь, не зная, как подступиться к девушкам, пели у костра “Милая моя, солнышко лесное” с отмороженными ногами, а у милой все лицо уже изъедено комарами и от этого, правда, похоже на красное распухшее солнышко, мы тогда не думали, что когда-нибудь можно будет без лишних хлопот заниматься любовью по интернету, посылать друг друга по электронной почте, а Моцарта и Бетховена по несколько раз в день слушать по телефону в паузах, пока тебя соединяют с абонентом. Я думаю, сами Моцарт с Бетховеном не думали, что идеально писали для телефонных аппаратов. А Чайковский не предполагал, что его “Лебединое озеро” так часто пригодится потомкам для замены

телепрограмм во времена путчей и похорон. Никто из нас не думал в том нашем темном прошлом, что когда-нибудь в нашем светлом будущем, согласно новым веяниям режиссуры, чтобы хоть как-то завлечь зрителей в театр, Чайка будет наркоманкой, Отелло – голубым, Дездемона – его мужиком. В опере, чтобы угодить нашим эмигрантам, Онегин, получив от Ленского вызов, уедет по этому вызову в Израиль. А голый король Лир на нудистском пляже через слово будет вскрикивать: “Во, блин, буря разыгралась!” Еще помню, как на Пасху мы ходили тайком наблюдать за крестным ходом. Я с завистью тогда смотрел на тех, кому даже в то время было во что верить. И никак не думал, что когда-нибудь наши молодые священники станут говорить “ОК”, а за валюту будут освящать всё и вся, согласно установленным ценам...

Теперь оказывается, что многие качества советской жизни, которые ранее подвергались беспощадной критике, сегодня выглядят вполне безобидными и даже симпатичными, например, студенческое пьянство:

Почему многие молодые люди сегодня прилипли к наркотикам? Потому что у них не было стройотрядов, они не знают что пьянство лучше! Лучше значительно!! Пьянство развивает юмор!

В этой связи часто упоминается русское (советское) образование, которое обычно противопоставляется узкоспециализированному, технократическому, “бездушному”, “тестовому”, “компьютерному” образованию амери канцев, а также новой (2000-е годы) российской системе образования, ориентированной на американскую:

В Советском Союзе было лучшее в мире образование, и во что это превратилось... дети сегодня думают, что Рафаэль и Микеланджело – это черепашки-ниндзя! Они уверены, что Бетховен – это собака!

Обыгрывается привычка быть на телевизионной “игле” и утрата привычки к чтению:

... все наши женщины благодаря телесериалам давно живут в Латинской Америке и только два раза в неделю выезжают в лифте за продуктами

... что угодно, только не читать! Как мне однажды ответила девушка-тинейджер: ... Я что, дура книжки читать? Мне ж тогда с подругами не о чем говорить будет!

Резко отрицательно оценивается неуважение к русскому языку как важной части русской культуры, неоправданное использование английского языка:

Я вообще не понимаю это увлечение в России иностранными словами. По всей России вывески на английском: “Шоп”, “Фут”, “Хот Дог”, “Перловка-трейдинг”. Бедные старики говорят: “Мы не знаем, где чего купить.” Стоит старушка посреди Москвы и читает: “Шоп, шоп, шоп, шоп.... Да шоп вы сдохли.” Почему в России надо писать на английском?

По всей Москве висят плакаты “Блокбастер Алёша Попович”... они стесняются слова былина? Вот она западнизация.

Показательно, что оппозитивный механизм комического обыгрывания у Задорнова сохраняется и применительно к самим американцам. Так, в монологах об Америке иногда находим противопоставление “старой” Америки (здесь представление о ней носит несколько романтический и абстрактный характер и напоминает в этом отношении туманный “западный мир вообще” в доперестроечных монологах) как страны добрых хижин дяди Тома, персонажей Марка Твена и Хемингуэя – и толпы современных американских обывателей:

Ки-Вест не похож на обычные американские небоскрежные города. Деревянные, двухэтажные, покрашенные в светлые тона домики с воздушными террасами, резными наличниками и ставнями-бабочками, как прозрачные привидения из романтического американского прошлого, скрываются в кудрявых зеленых садах и напоминают нам об “Унесенных ветром”, “Хижине дяди Тома” и Геккельберрефинне.... Ки-Вест – это город-декорация к спектаклям Теннесси Уильямса и Артура Миллера. Это воздушный привет, посланный потомкам от Митчелл и Марка Твена. Но туристы этого не знают...

Здесь следует сказать еще об одной оппозитивной оценочной шкале в русском языке. Данная оценочная шкала, отвечающая важнейшим коммуникативным сценариям русской культуры, зафиксированная в значениях лексем, фразеологии, метафорических моделях, активно проявляющаяся на новейшем этапе развития русского литературного языка, а также других его стратов, по нашему мнению, является существенной для русского языка, хотя, насколько нам известно, еще не становилась объектом специального исследования.

Оппозиция, о которой идет речь, в общих чертах может быть охарактеризована как противопоставление (в восприятии мира, человеческих взаимоотношениях, коммуникации, языке) начала в целом персонального, личностного и межличностного – и начала социального, неличностного (официального, ритуального).

Левый член оппозиции оценивается через призму русской “межличностной” системы ценностей (это прежде всего нравственная оценка). Здесь

присутствует идея огромности мира, не поддающегося рациональному упорядочению, воспринимаемого через призму сильных, неконтролируемых и иррациональных эмоций, мечты и бесконечно многообразных человеческих отношений, где единственным безусловным ориентиром является нравственный. Правый член оппозиции принадлежит внеличностной сфере жизни и взаимоотношений людей, где человек воспринимается как абстрактный носитель социальной функции. На первый план выходит идея социального института, ограничений, нечто рационально-логическое, нацеленное на статусное взаимодействие с людьми. На правый член оппозиции не распространяется нравственно-личностная оценка – и в то же время в русском речевом сознании данное явление оценивается отрицательно за сам факт отказа от нравственной оценки, выбор в пользу неличностного типа отношений, то есть, с точки зрения русской картины мира, как бы сознательное уклонение от естественных человеческих обязанностей и законов.

Если назвать условно коннотативный компонент, содержащийся в левом члене оппозиции, Р (personal), то наличие Р, [Р] представляет собой норму и нейтрально с точки зрения оценки, а отсутствие Р, [-Р] оценивается отрицательно.

Оценочная оппозиция [Р] ~ [-Р] реализуется в языке и речевой коммуникации. В лексике выделяются номинации определенных явлений: людей, поступков, признаков, видов деятельности, социальных отношений (только некоторые из этих номинаций фиксируются словарями как оценочные), в семантической структуре которых четко выделяется компонент (или компоненты), обусловленный принадлежностью лексемы к оценочной оппозиции [Р] ~ [-Р]: маркируется включенность данного явления в оппозицию в качестве одного из членов, или же подвергается оценке эта включенность; оцениваться может также отсутствие элемента [Р] либо отсутствие [-Р].

Наиболее наглядно эти оценочные семы можно выделить у лексем, в содержательном отношении близких, прежде всего синонимов, которые (в идеале) различались бы только этим оценочным компонентом:

- (1) *мастер ~ профессионал;*
- (2) *мой парень ~ мой бойфренд;*
- (3) *халявщик ~ иждивенец;*
- (4) *очень плохо ~ крайне неудовлетворительно;*
- (5) *убийца ~ киллер.*

Лексемы *мастер* и *профессионал* (оппозиция 1) часто используются как синонимы, однако в их семантике и сфере употребления есть один существенный отличительный признак: *мастер* (=умелец) – безусловно и безотносительно положительная характеристика (*Фабий становился замечательным живописцем – уже не простым любителем, а мастером*. Тург. Песнь торж. любви); *профессионал* (=специалист) – характеристика хотя тоже скорее положительная (ср.: *Он настоящий профессионал в стране любителей*), но более узкая, функциональная (*На путь профессионала-боксера его толкнул дядя Боб*. Билль-Белоцерк. Пощечина). *Мастер* прежде всего приносит пользу людям, служит им и отчитывается за свои действия перед Богом; *профессионал* вступает с обществом в рациональные взаимовыгодные отношения и если перед кем отчитывается, то только перед работодателем и другими (лучшими) профессионалами. В целом *мастер* является более важным концептом в русской языковой картине мира, это более частотное слово в речи, обнаруживает большую способность к метафоризации и фразеологизации (*мастер на все руки, мастер своего дела, рука мастера, дело мастера боится*), в то время как лексема *профессионал* не способна ни к тому, ни к другому. Довольно трудно представить, чтобы культовый роман XX века мог быть назван “*Профессионал и Маргарита*”.

Оппозицию (2) образуют почти абсолютные синонимы, однако выражение *мой бойфренд*, подобно правому члену оппозиции “*мастер ~ профессионал*”, лишено той задушевности и громадного многообразия возможных ситуаций, человеческих чувств, отношений, которые стоят за *мой парень*: *мой бойфренд* (в современной русской речи) есть подчеркнуто статусная, функциональная характеристика.

В оппозиции (1) оба члена представлены заимствованиями, но не последнего времени (*мастер* заимствуется из греческого уже к X в.; *профессионал* – в XIX в. из французского [Шанский, Боброва 1994]). В оппозициях (2) и (5) правый член представлен лексемой заимствованной, причем в самые последние годы. В оппозиции (3), наоборот, левый член, представленный новообразованием, противопоставлен правому исконному. В оппозиции (4) оба члена – лексемы исконные.

В оппозиции (4) члены отличаются функционально-стилистически: правый относится к официально-деловому стилю. Забегая несколько вперед, отметим, что явление, о котором идет речь, имеет много общего с оппозицией, в которой находится официально-деловой стиль по отношению

ко всем остальные стилиам (и с оппозицией “персональный дискурс ~ ритуальный дискурс”), однако во всех остальных рассматриваемых оппозициях данное функционально-стилевое противопоставление отсутствует.

Оппозицию (5) образуют два слова, называющие человека, который совершает или совершил деяния, несовместимые с общечеловеческими представлениями о морали. Их семантика значительно различается: *убийца* – это тот, кто *убил*; *киллер* (наемник) убивает людей за деньги. Для лексем *убийца* на первый план выходит нравственно-этическая оценочность. В недавно заимствованном из английского слове *киллер* нравственно-этическая оценка как будто бы снята. В действительности, конечно, оба слова имеют яркую отрицательно-оценочную семантику, при этом оппозиция *киллер* ~ *убийца* включается в систему оценок [P] ~ [-P], где *киллер*, пожалуй, более маркированный член, чем *убийца*. Дело в том, что *убийца* (и даже *палач*) всё же оценивается по законам человеческих отношений, тогда как *киллер* исключен из этой сферы, а следовательно, это “еще хуже”. Эта дополнительная система оценок [P] ~ [-P], маркирующая члены оппозиции (5), совпадает с оппозициями (1)–(4), хотя проявляется здесь не столь явно.

Обращает на себя внимание содержательная близость лексем *киллер* и *профессионал*; часто они используются в одних и тех же контекстах, иногда как синонимы. Очевидно, что *киллер* должен быть *профессионалом* (характеристика *профессионал* по отношению к *киллеру* воспринимается последним как комплимент); возможность гиперонимических отношений между лексемами *профессионал* и *киллер* обусловлена принципиальным отсутствием нравственной оценки, характерным для лексем *профессионал* так же, как для правых членов всех оппозиций типа [P] ~ [-P]. По этой же причине характеристика *мастер* по отношению к *киллеру* (за редкими исключениями в маргинальных группах) возможна только как недобрая ирония.

Следует несколько подробнее остановиться на содержательном противопоставлении “*мастер* ~ *профессионал*”, по-видимому, малоактуальном для русского языка XIX и начала XX века, но становящемся весьма актуальным в последние 40-50 лет.

Парадоксальным образом общая идея ограниченности, присущая члену [-P], становится особенно заметна в данной паре, где, казалось бы, как раз раздвинуты границы обычного, обоим дано больше, чем “обыкновенным” людям. В том-то и дело, что *профессионалу* НЕ дано – по крайней мере, *быть профессионалом* вовсе не обязательно предполагает “дар Божий”, без

которого *быть мастером*, очевидно, невозможно. Показательна сочетаемость с прилагательным *узкий*: *узкий профессионал* – распространенное выражение (хотя это всё же далеко не то же самое, что “просто” *профессионал*, и нередко выступает как отрицательная характеристика неспособности при оценке чего-либо выйти за рамки своей профессии: *Это никого, кроме узких профессионалов, заинтересовать не может; это не для узких профессионалов*) при невозможности **узкий мастер*. *Мастер*, прежде всего, предан своей работе, бескорыстно любит свое творение, может быть энтузиастом и даже одержимым – все эти качества несущественны для *профессионала*.

В то же время *быть профессионалом* означает определенным образом относиться к социальным институтам: получить *профессию* (для этого необходимо учиться у других *профессионалов*, и об этом выдается свидетельство социальным институтам), достаточно долгое время работать по *профессии*. В таких социумах “производство” *профессионалов* “поставлено на поток”. Несущественно также, если *профессионал* не имеет собственного лица: *профессионал* хорош настолько, насколько он похож на других *профессионалов*. *Мастер* всегда “непохожий”; хотя в обществе вовсе не обязательно должно быть мало *мастеров*, каждый из них уникален, а “рождение” *мастера* всегда чудо. *Мастер* может получить, а может и не получить специального образования; скорее учиться у кого-то, но, в конце концов, и это не обязательно (*мастер-самоучка, Кулибин, Левша*); наконец, уже совсем не имеет значения, работает ли он и как долго по своей специальности – *мастер* должен быть от Бога, и это главное. *Мастер* и *профессионал* – это дар и навыки, это Моцарт и Сальери, талант и ремесленник.

Кроме того, только *быть профессионалом* означает занимать выгодное место в обществе: сочетания *бедный / нищий мастер, мастер-бессребреник* являются не менее обычными, чем *богатый мастер*: *Как только вы ее наденете, так и исчезнете, и бедный мастер* вовеки не узнает, *идет она вам или нет* (Е. Шварц. Дракон); *Я сам, изволите видеть, вышел из мещан, отец мой был золотых и серебряных дел мастер, и звали его просто Сребреник, но был он, истинное мое вам слово, настоящий бессребреник и жадность эту мужицкую ненавидел всей душой, с детства нам это твердил: поп, купец и мещанин – одна партия, бык, черт и мужик – другая* (М.М. Пришвин. Дневники); *нищий профессионал* звучит, по меньшей мере, странно.

Семантика слова *мастер* отчасти обусловлена внутренней формой: *мастер* < *мастерить*, т.е. делать что-то творчески, при этом *руками*; другие зна-

чения мотивированы данной внутренней формой: *мастер* – это тот, кто творчески создает, производит что-то. Поэтому писателя можно назвать *мастером*, а профессора – нет.

Думается, есть еще одно противопоставление, не столь явное, но не менее важное: *мастер* – это *творчество*, которому, как это в целом характерно для оппозиций типа [P] ~ [-P], противопоставлена некая рациональная, интеллектуально-логическая деятельность. Идеи “руками” и даже “производит” могут быть опущены, но идея творчества всегда остается; поэтому *мастером* могут быть названы и, например, изощренный манипулятор (*мастер уходит от ответственности*), и искусный соблазнитель:

– Э! да не отбил ли он у тебя твою красавицу, эту... как ее? да! он *мастер* на это: тебе трудно тягаться с ним. Повеса! повеса! – сказал Петр Иванович, положив в рот кусок индейки.

– Он дорого заплатит за свое *мастерство!* – сказал Александр, вспыхнув (И.А. Гончаров. Обыкновенная история)

Почему же не могут быть названы *мастером* профессор, ученый, преподаватель, редактор? Думается, дело не в отсутствии творчества (всё это так называемые “творческие профессии”), а в том, что в семантике этих слов подчеркивается и выходит на первый план интеллектуально-логическая деятельность.

Профессор и ученый не могут быть названы также *профессионалом*, но по совершенно другой причине: в семантике этих слов уже присутствует в высшая степень профессионализма; для преподавателя, репетитора, редактора оценка *профессионал* актуальна и желательна.

Несколько особняком стоит *учитель*: характеристика *профессионал* для данного рода деятельности, где на первый план выходит нравственный аспект, обычно не используется; характеристика *мастер* для учителя тоже не вполне естественна, хотя и не аномальна.

Представляет интерес история оппозиции “*мастер* ~ *профессионал*” в русском языке. Как уже было сказано, слово *профессионал* входит в русский язык значительно позже, чем *мастер*; однако, по-видимому, и после заимствования слова *профессионал* в XIX в. оно не сразу встает со словом *мастер* в оппозицию [P] ~ [-P]. Так, *мастер* не был противопоставлен *профессионалу* в начале XX в., когда Николай Оцуп заявил основные принципы поэзии “Серебряного века”: *Мастер побеждает пророка* (Оцуп 1994: 555) – сейчас, вероятно, вместо *мастера* был бы назван *профессионал*.

Интересно, что оппозиция “*мастер ~ профессионал*” иначе осмысливается в России позднесоветского периода: противопоставляя “общечеловеческие ценности” коммунистическому кликушеству, многие интеллигенты “реабилитировали” *профессионала* как своеобразный символ “свободного мира”, свободной самореализации личности, здоровых отношений в обществе. В этом отношении *профессионал* иногда даже противопоставлялся *мастеру* как нечто лучшее или как большая степень одного и того же качества:

Долговязый с острым, каким-то **профессиональным** интересом смотрел, как швейцар выбивает через вертящуюся дверь последнего буюна, еще не вполне пришедшего в себя. “Жалко, этого не было, – шепотом сказал Тэдди, указывая глазами на долговязого. – Вот это мастер! Это тебе не ты. Профессионал, понял?” (А. и Б. Стругацкие. Хромая судьба).

В России позднесоветского периода стал всенародным любимцем романтический *профессионал-контрразведчик*, блестяще сыгранный Ж. Бельмондо в одноименном фильме.

В советской идеологии, с которой была в корне несовместима идея, что *зарплата* должна быть *заработанной*, *профессионала* не жаловали – именно в силу того, что за этой лексемой стоят некие взаимовыгодные (а следовательно, “рыночные”, товаро-денежные) отношения с обществом; лексема *профессионал* часто использовалась как отрицательно-оценочная, своеобразный символ отношений в мире чистогана – как в официальных партийных СМИ (*Ни у кого здесь нет ни малейших сомнений в том, что действовал профессионал, в руки которого вложили оружие расистские власти Претории, Д. Септембер уже не раз получала письма с угрозами расправы.* (В. Прокофьев. Выстрелы на улице Петит-Экюри // “Труд”, 1988.04.01), так и во вполне неофициальных текстах, например, песне В. Высоцкого о канадских хоккеистах (*Профессионалам / зарплата навалом ... А наши ребята / за ту же зарплату / Уже пятикратно уходят вперед*).

Как видим, советская идеология, несмотря на партийные ярлыки, в целом правильно понимала смысл оппозиции “*мастер ~ профессионал*” (*профессионал* зарабатывает много денег, выгодно продавая свои умения, и для него главное – деньги, а не моральная сторона его деятельности; *мастер* скорее дарит свои способности обществу, думая о пользе для других, а не для себя); в перестроечной идеологии, при смене оценки *профессионала* на противоположную, сохраняется та же идея рациональных взаимовыгодных отношений с обществом.

Перестроечная идеология вообще сделала *профессионала* одной из ключевых идей “нового мышления”, наряду со *свободным предпринимательством* и *хозрасчетом*. Резко меняется отношение к *профессионалам* в спорте (прежде всего хоккеистам). В СМИ этого периода *профессионал* – одно из наиболее частотных слов, при этом используется практически исключительно как ярко-положительная оценка, как символ того, чего больше всего недостает СССР для достойного существования в соответствии с общечеловеческими ценностями. В некоторых случаях чрезмерное тиражирование экспрессии *профессионала* в таком значении (особенно в рекламе постсоветского периода) приводит к тому, что экспрессия начинает восприниматься как стертая и надоевшая. В двухтысячные годы романтическая аура вокруг *профессионала* несколько тускнеет, однако положительная оценка в целом сохраняется:

Мы – команда **профессионалов**, специализирующихся на услугах для торжеств: свадьбы, крещений, венчаний, корпоративных мероприятий, выпускных и др. Группа **профессионалов** в сфере свадебных услуг, созданная для того, чтобы вы сэкономили ваше время и добились наилучших результатов;

Ремонт квартир и дизайн интерьера – услуги **профессионалов**. В целях поддержания высокого уровня предоставляемых услуг, у нас работают только **профессионалы** с опытом работы от трёх лет;

Ремонт автомобилей, кузовной ремонт, покраска автомобиля. В нашей автомастерской работают только настоящие **профессионалы**, выполняющие ремонт кузова любой сложности;

Установка кондиционеров, автоматика вентиляции, приточно-вытяжная вентиляция, расчёт вентиляции – компания ЕвроВентСтрой, обращайтесь к **профессионалам!**

Даже первичное наблюдение показывает, что в русском языке существует множество оппозиций, подобных (1)–(6). Приведем лишь несколько случайно выбранных пар: *совесть* ~ *нравственность*, *этика*; *народ* ~ *население*, *электорат*; *родной* ~ *казенный*; *начальник* ~ *руководитель*, *менеджер*; *интеллигент* ~ *интеллектуал*; *банда*, *шайка* ~ *группировка*; *жалость* ~ *сочувствие*, *соболезнование*; *справедливый* ~ *легитимный*, *правовой*; *добро* ~ *благополучие*; *муж* ~ *супруг*; *любимый* ~ *сожитель*; *везение* ~ *успешность*; ... ~ *состоявшийся*; *вождь*, *вожак* ~ *лидер*; *друг* ~ ...; *известный* ~ *раскрученный*; *дом* ~ *быт*; *любить*, *жалеть* ~ *уважать*; *злиться* ~ *негодовать*; *работа* ~ *деятельность*; *душевный* ~ *бездушный*...

Очевидно, насколько отличаются друг от друга данные оппозиции: не во всех оппозициях значение членов отличается только одним коннотативным компонентом Р; не всегда члены четко противопоставлены как [Р] ~ [-Р]: иногда различаются разной степенью представленности Р. В некоторых оппозициях члены отличаются лексически как относящиеся к разным сферам жизни и отношений. Какие-то понятия вообще оказываются вне оппозиций (например, *друг, загул*), хотя, вероятно, отсутствующий член может быть (в каких-то случаях) восполнен. В некоторых оппозициях члены – антонимы. В одних оппозициях члены могут отличаться по словообразовательным и синтаксическим возможностям (*жалеть ~ сочувствовать*), другие в этом отношении почти полностью совпадают. В некоторых оппозициях оценка может идти как бы извне, из области других социальных институтов: для адекватной оценки надо выйти за пределы данной оппозиции и подчиниться иной, принятой “вовне” системе оценок; это может быть и отрицательная оценка того, кто не желает включиться в такую систему: *антиобщественный, кустарь-одиночка*.

При всём разнообразии и разнородности, по нашему мнению, есть некоторая тенденция к тому, что лексемы, представляющие правый член оппозиции, в целом гораздо эже, беднее по значению и сферам употребления, гораздо меньше способны к экспрессии, меньше способны к словообразованию и почти не образуют глагольные производные, резко ограничена их дистрибуция, особенно с глаголами; что правый член в какой-то степени тяготеет к официально-деловому стилю; что левый член несколько чаще представлен исконным словом, правый – заимствованным; что правый член чаще имеет отрицательную оценку, левый – нейтральную или положительную, однако данная тенденция почти никогда не прослеживается до конца.

В некоторых случаях лексемы, представляющие правый член оппозиции, возникают в языке позже левых – в целом это естественный процесс для развития кодифицированного литературного языка и особенно его официально-делового стиля, когда возникает необходимость включить некоторое явление или человека в сферу официальных отношений и социальной регламентации (например, оппозиция *народ ~ электорат*).

Данный процесс для различных литературных языков детально изучен в функциональной стилистике – ср., например: (Булаховский 1975; Винокур 1929; Гавранек 1967; Кожина 1993). Процесс этот универсален, как универсальны выделяемые во всех литературных языках пять функциональных ст-

илей. Бессмысленно подвергать этической оценке чиновника на том основании, что он выполняет свои обязанности *без души*, или документ, написанный *неискренне*.

В других случаях позже появляется левый член – чаще всего как экспрессивная оценка или экспрессивное отрицание некоторого явления (например, *тусовка ~ компания, шарашка ~ учреждение*). Следует подчеркнуть, что это не менее естественный процесс для альтернативных смеховых культур (универсалия, описанная М.М. Бахтиным [1990]), подвергающих карнавалному “перевертыванию” ценности и нормы излишне заорганизованных и закоряченных социумов; такая оценочность есть в каком-то смысле народное сопротивление давлению со стороны бездушной антинародной власти.

Так, многими исследователями отмечается, что к основным функциям жаргонной лексики относится противопоставленность официозу, представителям старшего поколения, романтизация преступного мира как символа отрицания общепринятых норм; молодежь привлекает яркая (с позиции носителей аргю) экспрессия лексических единиц арготических систем (Балаян 2006; Беликов 2001; Грачев 1997; Юганов, Юганова 1997). Данная функция присуща жаргонизмам всех выделяемых по происхождению типов: иноязычные заимствования (*юзаный секонд* ‘использованные вещи’), морфологические / словообразовательные способы создания новых слов на базе исконно русских корней (*дружбаны* ‘друзья’), семантическое переосмысление слов общенационального русского языка (*Катим оттопырится!* – ‘Пойдем повеселимся!’).

Итак, члены оппозиций могут возникать в разное время как своеобразный оценочный отклик на уже существующую оценочную (или потенциально оценочную) номинацию. Нами выявлены два основных пути: для правых членов – стандартизация и документизация, для левых – карнавализация и жаргонизация⁴. В каждом случае появляющаяся новая лексема включается в оппозитивные отношения с противоположной в этом отношении, образуя

4 Естественно, говоря о том, какой из членов оппозиции появляется раньше, мы имеем в виду не все оппозиции. Вряд ли высказанные выше соображения могут быть отнесены к оппозициям *мастер ~ профессионал* или *правда ~ истина*: здесь, по-видимому, имели место более сложные семантические процессы, с трудом поддающиеся объяснению без широкого исторического контекста. Не исключена возможность и одновременного возникновения обоих членов, т. е. оппозиции в целом.

оппозицию типа [P] ~ [-P]. Оба процесса, по-видимому, имеют универсальный характер.

Здесь следует отметить, что в целом противопоставление персонального и статусного регистров относится к наиболее актуальным проблемам западной (прежде всего англоязычной) философии, культурологии и лингвокультурологии (например, [Fox 2005; Goffman 1972; Schiffrin 1994; Small talk 2000; Tannen 1986]). Во многом данные исследователи следуют за Й. Хейзингой (1992), который выявил и описал оппозицию “игра ~ работа” как, с одной стороны, жизненно важную для современного человека, с другой стороны, – универсальную. Показательно, однако, в этом отношении исследование Р. Абрахамса (2003), который сравнивает оппозицию “игра ~ работа” в жизни белых американцев и афроамериканцев: у белых американцев “работа” является признаком респектабельности, а “игра” служит только “для домашнего употребления”. Чернокожие американцы в узком семейном кругу серьезно относятся к “работе”, а на всеобщее обозрение выставляется – и одним из главных признаков респектабельности служит умение вести остроумные и жесткие уличные перебранки, в которых, как правило, оказываются беспомощны белые.

Русская система оценок [P] ~ [-P], о которой мы говорим, не универсальна. Как уже отмечалось, в русской культуре подлежит оценке сам факт выбора человеком неличностного способа взаимодействия с миром и себе подобными. Собственно, в русской культуре выбор в пользу такого типа отношений часто воспринимается как отказ быть человеком. Можно привести множество примеров слов, где нравственно-этическая оценка совмещается с оппозицией [P] ~ [-P]: *функционер, чинуша, службист, крючок и крючоктвор, казенный и казёница, муштра, аппаратчик, карьерист, кагэбэшник* (одни из них имеют более или менее точные соответствия в других языках, другие – нет). Ключевыми для русской культуры являются слова, в которых так же однозначно положительно оценивается выбор в пользу левого члена [P] ~ [-P]: *душевный (задушевный), друг*. Показательно очень точное отражение семантики оппозиции [P] ~ [-P] в фразеологизме *Не в службу, а в дружбу*. Оппозиция *душевный ~ бездушный*, образованная двумя словообразовательными производными от *души*, может служить примером лексико-грамматической формализации оппозиции [P] ~ [-P].

Необходимо подчеркнуть, что существует целый ряд важных аспектов русской оценочной оппозиции [P] ~ [-P], сообщающих ей неуниверсальный характер.

Так, неуниверсальность оппозиции [Р] ~ [-Р] проявляется в неуниверсальности ключевых концептов русской культуры “правда”, “ду-ша”, “искренность” и др. Еще важнее то, что данные концепты входят в значимые для русской языковой картины мира оппозиции, которые в других языках или отсутствуют, или проявляются в них совершенно по-другому, такие как: “правда ~ истина”, “воля ~ свобода”, “простор ~ пространство”, “радость ~ удовольствие”, “удаль ~ мужество” (Арутюнова 1998; Вежбицка 1996; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; Степанов 1997; Шатуновский 1991; Шмелев 2002). Естественно, было бы преувеличением сводить значение таких концептов к одной оппозиции типа [Р] ~ [-Р]. Эти концепты так сложны, многомерны и многообразны, что, думается, была бы ошибочной любая попытка привести их к одному знаменателю (например, свести их к одному пространственному измерению, как это делает Н.Д. Арутюнова и ее последователи: “Концепт «воли» хорошо согласуется с пространственной (бытийной) ориентацией русского языка, а также с понятием стихии и стихийных действий. *Простор – воля – стихия* образуют единый комплекс” (Арутюнова 1998: 813), вплоть до выявления клаустрофобии в качестве черты русского национального характера [Шмелев 2002: 78]). Трудно согласиться и с гедонистическим объяснением значений ключевых слов русской культуры (“*Простор* – это когда легко дышится, ничто не давит, не стесняет, когда можно пойти куда угодно, когда *есть разгуляться где на воле*” [Шмелев 2002: 75]): потребительски-гедонистическое отношение в корне противоречит очень важной для этих слов нравственной оценке. Счастье, радость, восторг, восхищение (в том числе восхищение широкими *просторами*) действительно присутствуют в их семантике, но эти состояния *души* могут быть настоящими только в результате правильного нравственного выбора, когда к ним приходят ценой *жизни по правде*, соответствующей изначальному высокому, праведному, а вовсе не потребительскому предназначению человека (такова, по крайней мере, семантика этих слов). Кроме того, ни *душа*, ни *друг*, по-видимому, вообще не образуют оппозиции типа [Р] ~ [-Р].

В то же время в исследованиях, посвященных данным безэквивалентным концептам, часто отмечается, что наиболее противоречит отраженным в них ключевым ценностям русского национального характера идея неких “рациональных” ограничений, некой системы координат, а значит, и социальных институтов. Концепт, включающий идею таких ограничений, встает с концептом типа *правда, воля* в оппозицию, очень близкую

оппозиции [P] ~ [-P]. Так, по мнению А.Д. Шмелева, “Разные значения глагола *гулять* объединяются идеей свободы выбора, отсутствия стеснений и необходимости выполнять скучную, рутинную работу” (Шмелев 2002: 85). Исследователь также обращает внимание на “различие между *пространством* как само собою разумеющейся системой координат и *простором* как источником радости” (там же: 75). В этом отношении показательно исследование Н.М. Катаевой (2004), посвященное паре концептов “воля” и “свобода” в русском языке: по мнению исследовательницы, “Для русских воля – это абсолют свободы, основанный исключительно на желании, хотении человека, свобода же подразумевает особость, отдельность, обособленность, независимость личности в обществе, какой-либо общности при полном признании законов жизнедеятельности этого общества (общности)” (там же: 4). Практически ту же идею высказывает А.Д. Шмелев, несмотря на то, что объясняет значение слова *воля* опять-таки с пространственной точки зрения: “По сравнению с *волей* *свобода* в собственном смысле слова оказывается чем-то ограниченным, она не может быть в той же степени желанна для «русской души», сформировавшейся под влиянием широких пространств” (Шмелев 2002: 73).

Это содержательное противопоставление имеет такое большое значение для русской культуры, что через его призму переосмысляются даже явления, организованные оппозитивно в общеевропейской (общехристианской) культуре. Так, авторы коллективной монографии “Ключевые идеи русской языковой картины мира” (Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005) показывают, что общехристианская оппозиция “милосердие ~ законность” дополняется в русской культуре новым членом *справедливость*, причем это особая “личностная” справедливость (о *несправедливости* часто говорят не в смысле банального неправильного распределения благ, а в смысле недополучения человеком тепла, внимания, любви): “Особенность русского взгляда на вещи, отраженного в русском языке, состоит в том, что наряду с законом и милосердием в нем представлена *справедливость*, которая гораздо важнее закона, но мелочь по сравнению с подлинными духовными ценностями. Однако соединяясь с чувством и душевной болью, *справедливость* повышается в статусе и попадает в один ряд с *милосердием* / *правдой*: *А душа, уж это точно, ежели обожжена, Справедливей, милосерднее и праведней она* (Булат Окуджава)” (там же: 373).

Неуниверсальность оппозиции [P] ~ [-P] проявляется также в неуниверсальности противопоставления “народ ~ власть” в русской истории и

культуре⁵: начиная с Петра I власть в России стремилась четко противопоставить себя простолюдинам всеми способами, в том числе языковыми; немаловажно, что сам литературный кодифицированный язык (язык публичного и персонального неличностного общения) тогда был французский. В этой связи следует сказать, что, по-видимому, тоже начиная с Петра (если не с Рюрика) в России несправедливая власть ассоциируется с чем-то инородным, враждебным, “немецким” (педантичным, бездушным)... (См. в этой связи исследование: [Невинская 2006]).

Данный аспект является в меньшей степени неуниверсальным; подобные типы противопоставления “народ ~ власть”, имеющие лингвистическую манифестацию, существовали в других культурах, например, чешской; ср.: “[...] литературный язык [...] стремится к тому, чтобы отличаться от народного языка, от повседневной речи [...] в результате стремления к классовой исключительности, поскольку в литературном языке проявляются классовые признаки (ср., например, онемечивание господствующих слоев в старое время у нас, употребление до настоящего времени венгерского языка в словацких городах и в свою очередь словацкого языка в восточной Словакии у украинцев и т.д.)” (Гавранек 1967: 341). Замечательный пример чешского языкового сопротивления времен Первой мировой войны находим в романе J. Hašek “Osudy dobrého vojáka Švejka”: сам чешский язык выступает там своеобразным знаменем освободительной борьбы, символом свободомыслия и прав чешской личности. Некая оценочная оппозиция, напоминающая [P] ~ [-P], реализуется как “чешское ~ немецкое”. Особенно заметно это в поведении самого Швейка, разговаривающего с высшими чинами австрийской армии. Примечательно, что Швейк сносно, хотя и с ошибками говорит по-немецки, а следовательно, это для него оппозиция действующая. Роман стал одним из наиболее читаемых произведений о Первой мировой войне, а знаменитое швейковское *Ich melde gehorsam* стало прецедентным текстом во многих европейских ненемецкоязычных культурах. См. также исследование (Вежбицкая 1993), посвященное языковому сопротивлению в Польше тоталитарного периода, и рассуждения У. Вайнрайха о разных типах языкового заимствования: так, чешский язык обычно прибегал к подстановке, русский – охотно пользовался перенесением (*divadlo – театр*, *od-*

5 Эта очень важная проблема должна стать отдельным предметом изучения лингвистов; отметим, что таких исследований уже немало осуществлено в самое последнее время [Язык и власть 2003; Проблемы речевой коммуникации 2004].

stavec – абзац, básnik – поэт, sloh – стиль): “В большинстве случаев решительное сопротивление перенесению лексических единиц, конечно, обусловлено соображениями социо-культурного, а не грамматического порядка. Не случайно предпочтение подстановки оказалось столь сильным в чешском и венгерском языках, где перенесение было бы истолковано в народе как онемечивание, что в тот период было несовместимо с национальными чаяниями этих народов” (Вайнрайх 1972: 45).

Неуниверсальность оппозиции [P] ~ [-P], впрочем, обусловлена спецификой русской (в том числе новейшей) истории. Разные эпохи наполняют оппозицию [P] ~ [-P] разным идеологическим содержанием.

В периоды всевластия бюрократии (петровская и особенно николаевская эпоха с возвышением Петербурга; советская эпоха с ее атеизмом и интернационализмом) данная оппозиция проявлялась особенно явно. Эти эпохи, как известно, принесли небывалый официоз и казенщину и вызвали к себе в широких народных массах, с одной стороны, ненависть, с другой стороны, – множество карнавальных текстов, паремий, номинаций. Ср. отражение данной оценки в русской классике XIX века: “Медный всадник” Пушкина, “Дума” Лермонтова, “Ревизор” Гоголя, “Былое и думы” Герцена... Ср. также фольклорные тексты петровской эпохи о строящемся Петербурге, представляющие собой как бы народный отклик на официальную пропаганду: *С одной стороны море, с другой – горе, с третьей – мох, а с четвертой – ох; Попал бы ты в Питер, он бы тебе бока вытер; Питер – кому город, а кому воров* (Синдаловский 2003).

Исторические изменения оппозиции [P] ~ [-P] могут иметь значительно более глубокий характер. Может существенно меняться сам характер отношений между членами оппозиции. В некоторые периоды наблюдается неестественное расширение сферы употребления одного из членов за счет другого.

Так, гипертрофированная роль правого члена в русской культуре породила канцелярит – явление, впервые описанное К.И. Чуковским (1990). Как известно, Чуковский понимал канцелярит как неоправданное использование канцелярского языка за пределами сферы официально-деловых отношений в русском языке середины XX в., повлекшее за собой невиданное ранее оскудение образности и выразительности языка. В последние годы, однако, доказывается, что масштаб данного явления значительно шире: то, что Чуковский называл канцеляритом, есть неизбежное следствие государственной идеологии в Советском Союзе и – шире – в любом тоталитарном обществе.

Думается, прав А.П. Романенко (1997), ставящий знак равенства между канцеляритом и тоталитарным новоязом, описанным Дж. Оруэллом: в обоих случаях происходит предельное сужение, выхолащивание языка, из которого изгоняются любые человеческие чувства, мысли, оценка. Новояз есть максимально редуцированный язык, с удобной для власти точностью совпадающий с рамками официальной идеологии: социальных ролей, регламентированных отношений, предписанных оценок.

По-видимому, можно также усмотреть связь между гипертрофированным развитием левого члена оппозиции [P] ~ [-P] и изменениями языка СМИ, характерными для России перестроечного и постперестроечного периода. Сознательная установка на разговорность, доходящая до жаргонизации и вульгаризации (звучали обвинения в падении уровня культуры журналиста, отсутствии как языковых, так и нравственных ограничителей, распушенности, вседозволенности), есть не что иное, как реакция на ненавистный новояз советского периода. В целом всё это привело к столь значительным изменениям в русской речи и даже языке, что некоторые ученые считают целесообразным выделять особый *литературно-жаргонизирующий* тип речевой культуры, который “[...] сформировался в конце XX в. усилиями журналистов как реакция на официоз и казенность речи СМИ советской эпохи. Стремление к раскованности речи, сближению с народом привело к журналистской разнузданности” (Сиротинина 2003: 345).

Следует отметить также неуниверсальность жесткости противопоставления сфер официального и неофициального общения в русском языке и речи, что обуславливает особую жесткость противопоставления официально-делового стиля всем остальным стилям, а также жесткость противопоставления “персональный дискурс ~ институциональный / ритуальный дискурс”. Как показывает А.В. Шемякина (2004), в русской коммуникации институциональный дискурс более жестко структурирован, чем в английской. Эта большая свобода английского институционального дискурса проистекает, например, из разрешения на использование фатики (даже обязательного использования *small talk*), тогда как в русском институциональном дискурсе *small talk* не распространен или находится под запретом. Интересно, что в английской речевой культуре “один и тот же” *small talk* является естественной и приемлемой формой общения как в официальной сфере, так и в сфере личностных отношений. Некоторые авторы коллективной монографии “Small talk” не усматривают четких

границ между *small talk* и *семейной* или *дружеской беседой* (например, Дж. Коутс [Small talk 2000: 241-263]).

Здесь можно высказать предположение, что в английской и французской культурах оппозиция [P] ~ [-P], по-видимому, отсутствует (в немецкой, итальянской и других, кроме русской, славянских культурах, вероятно, существует нечто, напоминающее данную оппозицию, но однозначно утверждать что-либо в этой области до осуществления полноценного специального исследования мы, естественно, не беремся).

В каком-то смысле русская культурная оценочная оппозиция [P] ~ [-P] занимает место английского концепта *privacy*, как известно, отсутствующего в русской культуре (Прохвачева 2000): английская *privacy*, с одной стороны, достаточно жестко ограничивает тематику и тональность межличностной коммуникации, но, с другой стороны, после того как данное требование выполнено, говорящим предоставляется довольно большая свобода, в том числе в оценочных суждениях.

В русской коммуникации обсуждение по-настоящему важных и интимных тем (включая экстремальные оценочные суждения) разрешено, но именно в этой области существуют очень жесткие требования, обусловленные концептами *правда*, *искренность*, необходимостью *разговаривать как друзья*, *разговаривать по душам*, *открывать душу* и т.д. Отрицательно оценивается выбор типа общения и стоящих за ним приоритетов и ценностей, которые противоречат данной системе требований или просто отличаются от нее.

В заключение подчеркнем, что разговорность, в основе которой лежит персональность общения, формирующая особую картину мира, есть явление универсальное, что доказывают многие исследования, например, западнославянских лингвистов (Anusiewicz 1989; Bartmiński 1991; Lubaś 1988; Umińska-Tytoń 1993; Witosz 2006). Однако русская разговорность формирует глобальную оценочную шкалу [P] ~ [-P], далеко превышающую частные системы оценки, присущие отдельным семантическим полям или распространяющиеся на один функциональный стиль из многих.

В настоящей статье дан лишь начальный анализ элементов русской оппозитивной и западноевропейской континуальной систем оценок, проявляющихся в отдельных семантических полях и, вероятно, покрывающих всю систему языка. Дальнейшие исследования в данном направлении представляются актуальными.

Литература

- Абашева М.П., 2007, *Русские в дозоре: категория Другого в современной российской массовой культуре. – Я и Другой в пространстве текста*, Пермь: Люблина.
- Абрахамс Р.Д., 2003, *Особенности речевого общения афроамериканцев. Язык улицы. – Прямая и непрямая коммуникация*, Саратов.
- Апресян Ю.Д., 1995, *Образ человека по данным языка: попытка системного описания*, "Вопросы языкознания" 1995, № 1.
- Арутюнова Н.Д., 1998, *Оценка в механизмах жизни и языка. – Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека*, Москва.
- Балаян Э.В., 2006, *Роль метафоры в формировании языковой картины мира (на материале современного молодежного жаргона): Дис. ... канд. филол. наук*, Саратов.
- Бахтин М.М., 1990, *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*, Москва.
- Беликов В.И., 2001, *Уголовный жаргон в системе русских социолектов. – Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы*, Москва.
- Берн Э., 1988, *Игры, в которые играют люди*, Москва.
- Борухов Б.Л., 1994, *Мат как философия жизни. – Дом бытия. Лингвофилософский альманах*, Вып. 1, Саратов.
- Булаховский Л.А., 1975, *Исторический комментарий к русскому литературному языку*, Москва.
- Вайнрайх У., 1972, *Одноязычие и многоязычие. – Новое в зарубежной лингвистике*, Вып. 6, *Языковые контакты*, Москва.
- Вежбицка А., 1993, *Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны*, "Вопросы языкознания" 1993, № 4.
- Вежбицкая А., 1996, *Язык. Культура. Познание*, Москва.
- Вежбицкая А., 1997, *Речевые жанры. – Жанры речи*, Вып. 1, Саратов.
- Вежбицкая А., 2002, *Русские культурные скрипты и их отражение в языке*, "Русский язык в научном освещении", № 2 (4), Москва.
- Винокур Г.О., 1929, *Культура языка*, Москва.
- Гавранек Б., 1967, *Задачи литературного языка и его культура. – Пражский лингвистический кружок*, Москва.
- Грачев М.А., 1997, *Русское арго*, Нижний Новгород.
- Дементьев В.В., 2005, *Брань и межличностные отношения. – "Злая лая матерная..."*, Москва.
- Дементьев В.В., Рогачёва Н.Б., 2006, *Сопоставление культур через посредство категории "коммуникативный идеал"*, "Stylistyka" XV, s. 7-36.

- Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д., 2005, *Ключевые идеи русской языковой картины мира*, Москва.
- Карасик В.И., 2002, *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Волгоград.
- Катаева Н.М., 2004, *Русский концепт воля: от словаря – к тексту: Автореф. дис. ... канд. филол. наук*, Екатеринбург.
- Кожина М.Н., 1993, *Стилистика русского языка*, Москва.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А., 1994, *Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века)*. – Успенский Б.А. *Избранные труды*, Т. 1, Москва.
- Меликян В.Ю., 2001, *Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи*, Москва.
- Невинская М.Д., 2006, *Концептуальная оппозиция “народ – власть” в политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук*, Волгоград.
- Орлова Н.В., 2005, *Наивная этика: лингвистические модели (на материале современного русского языка)*, Омск.
- Оцуп Н., 1994, *“Серебряный век” русской поэзии*. – Оцуп Н. *Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах*, Санкт-Петербург.
- Проблемы речевой коммуникации*, 2004, Вып.4, *Власть и речь*, Саратов.
- Прохвачева О.Г., 2000, *Лингвокультурный концепт “приватность” (на материале американского варианта английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук*, Волгоград.
- Романенко А.П., 1997, *Канцелярит: риторический аспект (О книге К.И. Чуковского «Живой как жизнь»)*, “Риторика” 1997, № 1(4).
- Синдаловский Н.А., 2003, *Хроника Санкт-Петербурга: годы, события, легенды*, Санкт-Петербург.
- Сиротинина О.Б., 2003, *Речевая культура*. – *Стилистический энциклопедический словарь*, Москва.
- Степанов Ю.С., 1997, *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*, Москва.
- Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности*, 2003, Екатеринбург.
- Хейзинга Й., 1992, *Ното Ludens. В тени завтрашнего дня*, Москва.
- Чуковский К.И., 1990, *Живой как жизнь*. – Чуковский К.И. *Собр. соч. в 2-х томах*, Т. 1, Москва.
- Шанский Н.М., Боброва Т.А., 1994, *Этимологический словарь русского языка*, Москва.
- Шатуновский И.Б., 1991, *“Правда”, “истина”, “искренность”, “правильность” и “ложь” как показатели соответствия / несоответствия содержания предложения мысли и действительности*. – *Логический анализ языка: Культурные концепты*, Москва.

- Шейгал Е.И., 2006, *Концепты и категории дискурса. – Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс*, Волгоград.
- Шемякина А.В., 2004, *Стратегии персонализации в институциональном дискурсе (на материале английских и русских перформативных высказываний): Дис. ... канд. филол. наук*, Волгоград.
- Шмелев А.Д., 2002, *Русская языковая модель мира*, Москва.
- Юганов И., Юганова Ф., 1997, *Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60–90-х гг.)*, Москва.
- Язык и власть*, 2003, Саратов.

- Anusiewicz J., 1989, *Potoczność jako sposób doświadczania świata i jako postawa wobec świata*, "Język a kultura", №5, Wrocław.
- Bartmiński J., 1991, *Styl potoczny jako centrum systemu stylowego języka. – Synteza w stylistyce słowiańskiej*, Opole.
- Blum-Kulka S., 1982, *Learning to say what you mean in a second language: A study of the speech act performance of learners of Hebrew as a second language*, "Applied Linguistics", 3(1): 29-59.
- Fox K., 2005, *Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour*. L.: Hodder & Stoughton.
- Goffman E., 1972, *Relations in Public: Microstudies of the Public Order*, Harmondsworth.
- Levenston E.A., 1970, *English for Israelis*, Tel Aviv: Israeli Universities Press.
- Lubaś W., 1988, *O istocie potoczności i jej przejawach w tekstach słowiańskich*, "Socjolingwistyka", № 8.
- Schiffrin D., 1994, *Approaches to Discourse*, Oxford: Cambridge.
- Small talk*, 2000, Harlow: Longman.
- Tannen D., 1986, *That's not what I meant: How conversational style makes or breaks your relations with others*, New York.
- Umińska-Tytoń E., 1993, *Z problematyki kształtowania się stylu potocznego*, "Stylistyka" II, s. 51-61.
- Witosz B., 2006, *Potoczność jako wartość w dzisiejszej kulturze*, "Stylistyka" XV, s. 37-49.

Time and Language: the Value Systems

The value systems are different in different languages. In diachronia these systems vary at a high degree. Changes in this sphere may be connected either with single value lexemes, lexical-semantic groups or much more general value systems. This article is devoted to researching some of these whole-language value systems. Changes in the moral-ethic sphere of oppositeness and continuity in Russian, English and some other

European languages are analyzed. Much attention of the author is devoted to the opposition "personal ~ impersonal" in the Russian language as well as to its correspondence to other languages.

Keywords: value systems, diachronia, culture oppositiveness and continuity.

Blanc-Kajka S., 1982, Learning to say what you mean in a second language, *Applied Linguistics*, 3(1): 29-52.

Fox K., 2002, Teaching the English, *The British Journal of English Language Teaching*, 10: 1-10.

Goffman E., 1972, *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*, Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Lawson E.A., 1970, English for travelers, *The American Journal of Linguistics*, 38: 1-10.

Lopus W., 1988, O znaczeniu potoczności i jej roli w kulturze, *Stylistyka*, 15: 1-10.

Schiffin D., 1994, *Approaches to Discourse*, Oxford: Blackwell.

Tannen D., 1986, That's not what I meant: How conversational style makes or breaks your relations with others, *Text*, 6: 1-10.

Umlauf-Tyran E., 1992, *3 problematyczne aspekty kultury i języka polskiego*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

Wojas B., 2006, *Potoczność jako warunek w kulturze*, *Stylistyka*, XVI: 1-10.

Xefteru B., 1992, *Historia i współczesność kultury polskiej*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

Tymon W., 1992, *Stylistyka*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

1. Moskwa

The and Language: the Value Systems

The value systems are different in different languages. In diachronic these systems vary at a high degree. Changes in this sphere may be connected either with single value systems, lexical-semantic groups or much more general value systems. This article is devoted to researching some of these whole-language value systems. Changes in the morpho-lexical sphere of oppositiveness and continuity in Russian, English and some other